

**ГЕНРИХ
НИКОЛАЕВИЧ
ГУРЬЕВ**

Работал на предприятии с 1955 по 1997 г. В 1975–1997 гг. – первый заместитель генерального директора–главный конструктор. Лауреат Государственной премии.

Впервые Павла Алексеевича Ефимова я увидел в начале лета 1955 года в стенах созданного им ОКБ, которое размещалось на территории завода ТЭМП.

В это ОКБ я пришел по направлению после окончания авиационного техникума. Передал свое направление секретарю Павла Алексеевича, ее звали Людмила Васильевна, она зашла в кабинет к руководителю-главному конструктору и тут же вышла с резолюцией: «Направить в научно-исследовательскую лабораторию». Прочитав резолюцию, я сказал ей, что не хочу работать в лаборатории, а хочу в конструкторский отдел. Это заявление было ею воспринято как гром среди ясного неба, она замахала руками в знак того, что изменить решение «самого» Павла Алексеевича невозможно, что он никогда не меняет своих решений, а я свои желания должен оставить при себе. Тем не менее я остался стоять в секретариате. В этот момент из кабинета вышел высокий, длинноволосый, несколько грузный мужчина. Сделал секретарю замечание по поводу нахождения нескольких человек в секретариате и направился к выходу. Я понял, что это и есть самый главный человек в ОКБ, быстро подошел к нему, протянул направление с его резолюцией, робко выразив желание работать в конструкторском отделе. Павел Алексеевич окинул меня с ног до головы пронзительный взглядом и, не сказав ни слова, к удивлению всех присутствующих, зачеркнул свою резолюцию, написал «направить в КО» и вторично расписался.

Этот, казалось бы, малозначимый факт уже дает характеристику Павлу Алексеевичу. Он был человеком суровым, требовательным, принципиальным и в то же время очень человечным, каким оставался всегда.

Однако Павел Алексеевич умел не только требовать, но и подчиняться. Я уже упоминал, что П. А. Ефимов носил длинные волосы. Однажды он приехал в командировку в Москву на прием к министру. Авиапромом в то время руководил незабвенный Петр Васильевич Дементьев. Когда Павел Алексеевич зашел в кабинет министра и поздоровался, министр, ответив на приветствие, внимательно осмотрел вошедшего и ехидно заметил: «Павел Алексеевич, не в священнослужители ли ты записался?» (Сам министр носил очень короткую стрижку, близкую к «ежику».) Павел Алексеевич, ни слова не говоря, развернулся, выскочил из кабинета, спустился на первый этаж Министерства, где располагалась парикмахерская, и, сев в кресло, приказал мастеру (как в известном фильме «Котовский»): «Подстричь под Петра Васильевича». Через некоторое время министр принял его, все вопросы были положительно решены... Ефимов с тех пор всегда носил короткие волосы.

В этих воспоминаниях я умышленно не затрагиваю производственно-конструкторскую деятельность П. А. Ефимова. О ней говорят его звания и многочисленные правительственные награды. Мне больше хочется подчеркнуть его чисто человеческие качества и отношение к людям, всегда превалировавшие над жесткой требовательностью и кажущейся суровостью.

Он не любил лентяев, требовал максимальной производственной отдачи, строго требовал соблюдения сроков выполнения заданий. Кстати, сам не курил и к выпивке относился неодобрительно. Место для курения, помню, было устроено на лестнице четвертого этажа. По ней ходили все работники ОКБ, включая и Павла Алексеевича, который в своей бездонной памяти отмечал, как часто он видит за курением того или иного работника. Порой останавливался и говорил: «Еще раз сегодня увижу здесь за курением - отниму пропуск или лишу премии». Эти угрозы, как правило, не осуществлялись, но и мы делали правильные выводы. (Тем более что премия, которая выплачивалась раз в квартал, была достаточно мощным стимулом.)

В ОКБ работал ведущим инженером некий Стрекалов, он где-то провинился или допустил производственные ошибки и был вызван «на ковер» к самому Ефимову. Павел Алексеевич очень жестко выругал Стрекалова и пригрозил, что лишит его квартальной премии. Стрекалов, выслушав разговор, вдруг заявляет: «Павел Алексеевич, я немедленно устраню замечания в свой адрес, но что касается лишения премии, надеюсь, что это только шутка с вашей стороны, так как я уже обещал жене с премии купить новое пальто, иначе ей нечего носить».

Павел Алексеевич от изумления широко раскрыл глаза и, кажется, сначала потерял дар речи, но спустя несколько секунд махнул рукой и сказал: «Ладно, срочно устрани свои ошибки, а пальто жене конечно же, купи».

Пока я был рядовым сотрудником, дистанция между мною и П. А. Ефимовым была, конечно, большая. Видел я его больше со стороны или на собраниях, но, закончив авиационный институт и продвинувшись в ряд ведущих конструкторов, я почувствовал его внимание к себе, стал приглашаться на проводимые им совещания, на которых, правда, иногда «холодело под ложечкой».

Особенно почувствовал я отеческое внимание Павла Алексеевича к себе, когда в ОКБ не стало главного инженера (преждевременно ушел из жизни В. В. Гнубкин). Тогда П. А. Ефимов вызвал меня к себе и сказал, что намерен выдвинуть на должность главного инженера ОКБ. Я не стал отказываться. Работали мы очень слаженно, дружно. Он был настоящим наставником и учителем.

Вспоминаю одно из первых совещаний в кабинете Павла Алексеевича, где я был в качестве главного инженера, то есть первого заместителя. Обсуждались текущие вопросы, принимались конкретные решения.

Не все участники совещания разделяли точку зрения руководителя, в ряде вопросов и я был не согласен с Павлом Алексеевичем и высказывал по молодости это несогласие публично в явно недопустимой форме. Павел Алексеевич корректно пытался поправить меня, но я ничего более умного не нашел, как заявить, что раз с моим мнением не считаются, то главный инженер здесь совсем не нужен. Наконец, совещание подошло к концу, «все свободны, а вот Гурьев пусть останется».

Когда мы остались вдвоем, Павел Алексеевич выдал мне, как говорится, по первое число. Он в доходчивых выражениях показал, что мой пока еще небольшой авторитет он оберегает, а вот я его – подрываю. Что один на один, в случае несогласия, я имею право высказать ему все что думаю, но при подчиненных устраивать с ним спор не следует. И что этот раз должен быть первым и последним. Этот урок я запомнил на всю оставшуюся жизнь. Принято считать, что Павел Алексеевич на работе был «суров, но справедлив», а я бы сказал, что он был мудр.

Одной из основных черт характера Павла Алексеевича была решительность. Приведу один эпизод из его биографии, это подтверждающий, известный мне по его рассказу.

Предприятие, на котором трудился Павел Алексеевич, в начале войны было эвакуировано.

В 1946 году в соответствии с требованием времени (создание автоматизированных авиационных систем управления – в том понимании АСУ – стало насущным) оно было преобразовано в ОКБ–470, руководителем назначен П. А. Ефимов, а дислоцироваться было предписано в Ленинграде на территории нынешнего завода ТЭМП.

Состав с людьми и оборудованием прибыл на Ленинградский вокзал, люди и оборудование были перегружены в грузовики, и колонна подъехала к воротам завода глубокой ночью. Оказалось, что охрана завода не была проинформирована о предстоящем «уплотнении» и, естественно, этому воспротивилась.

Павел Алексеевич организовал «группу захвата» из имеющихся под рукой «бойцов». Они «нейтрализовали» охрану завода и загнали грузовики на его территорию.

Этот эпизод тянет за собой еще одно интересное воспоминание.

Несмотря на благонамеренность «силовой акции» (сохранность государственного имущества), факт самоуправства достиг начальственных кабинетов, и Павел Алексеевич предстал перед бюро райкома партии. Учитывая смягчающие обстоятельства, бюро сочло возможным ограничиться выговором по партийной линии с «занесением», на что Павел Алексеевич ответил, что допустил непростительную горячность. Но вот выговор ему заносить некуда, так как он членом партии не является.

Можно только представить себе положение, в котором оказалось бюро райкома. Конечно же, находиться в таком положении было недопустимо и в скором времени Павел Алексеевич влился в число «членов» и появилось место, куда можно было заносить его партийные выговоры.

Надо сказать, что во все периоды работы в ОКБ приезжало много гостей и начальства. Павел Алексеевич был гостеприимным хозяином, умел показать результаты работы коллектива и принять гостей в часы отдыха. Бывало, соберет нас – свое ближайшее окружение – сообщит, кто приезжает, кого встречать, кто будет докладывать и даже кто из нас будет присутствовать на ужине, данном в честь гостей.

При этом зачастую напутствия были такие: «Ведите себя спокойно, раскованно, участвуйте в общих беседах, закусывайте, а вот что касается выпивки, то вам нальют по рюмке, но пить ее не смейте. Используйте ее для тостов, пригубляйте, а на вопрос почему не выпиваете, отвечайте, что вам нельзя, так как вы все за рулем». Это вызывало улыбки, но Павел Алексеевич в этом вопросе был непреклонен. Причем не только в отношении подчиненных.

Входит он как-то утром в приемную. Секретарь к нему:

– Что это с вами, Павел Алексеевич? На вас лица нет! Плохо себя чувствуете?

– Устал, – отвечает Ефимов.

– Как устали? Утро ведь еще.

– Вальку (старшего сына) лупил.

Позже выяснилось, что Павел Алексеевич пригласил к себе домой московских военных чинов (жена его прекрасно готовила, и он этим очень гордился). За ужином он выставил на стол бутылку коньяку, из которой Валька шприцем выкачал коньяк, подменив его чаем. За что и поплатился.

А как он относился к низшему звену работников. Бывало, идет по коридору, а перед ним в поте лица – уборщица. Он всегда останавливался, находил простые приветливые слова, а иногда и заканчивал общение словами «Зайди, милая, к секретарю, скажи, я велел дать тебе бланк заявления на материальную помощь, а я скоро приду и подпишу за твой тяжелый труд».

А уж если его просили о материальной помощи, то он вообще никогда не отказывал. Очень часто помогал людям в улучшении жилья. Недаром его называли «батей».

Был такой случай. В ОКБ существовал каждый год строгий график летних отпусков, и вот одна молодая техник-конструктор пожелала вне графика уйти в отпуск летом. Уважительной причины в этом не было, и ей все отказали. Она пришла на прием к Павлу Алексеевичу, но и он сказал, что не видит оснований. Тогда она заплакала и сказала: «Ну вот и вы отказываете, а еще называетесь «батей», какой же вы батя». Павел Алексеевич рассмеялся на это и говорит: «Кто же меня называет батей?» А она в ответ: «Да все». Тогда он взял ее заявление и подписал в «виде исключения».

Это, конечно, характеризует Павла Алексеевича как человека, но это пример не главный. Куда важнее и главнее подчеркнуть, что в ОКБ по решению Павла Алексеевича работало много бывших руководителей всех рангов – это, например, И. М. Цветков, И. П. Лисенков, Н. Г. Ковалев и другие, которым трудно было найти себе работу в те сложные времена, да еще в режимном предприятии.

О П. А. Ефимове можно вспомнить много хорошего, но я хочу особо отметить его личную скромность и принципиальность. Когда Павел Алексеевич ушел на пенсию, то очень непродолжительное время он продолжал работать, тогда уже в научно-производственном объединении, в качестве консультанта. Мы, его бывшие подчиненные и ученики, к этому времени уже заняли определенное положение, имели персональные автомобили с водителями и часто предлагали Павлу Алексеевичу воспользоваться машиной, чтобы с работы добраться до дома. Он всегда отказывался от этих предложений, говоря, что ему сейчас не положена производственная машина и он доберется до дома городским транспортом. А когда он почувствовал невостребованность в своих консультациях, он тут же по собственному желанию покинул стены предприятия.

Можно с уверенностью сказать, что все, кто знал П. А. Ефимова, с большим уважением относятся к его памяти. И присвоение ОКБ «Электроавтоматика» имени П. А. Ефимова является правильным, своевременным и заслуженным.